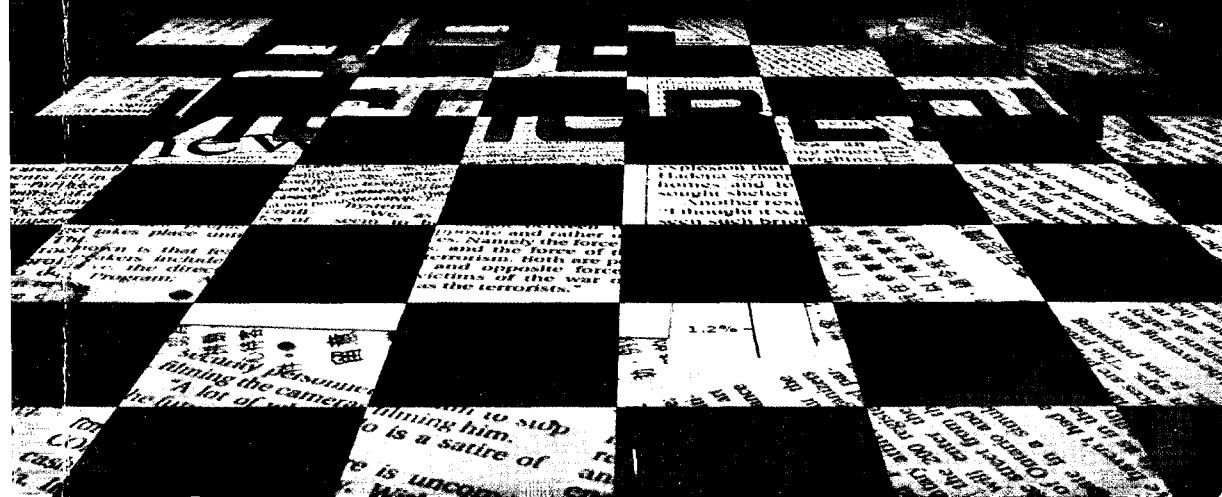

ЮРИЙ ШУГАНОВ

ДВЕ ИСПОВЕДИ

ИСПОВЕДЬ СТАРОГО ЖУРНАЛИСТА

Вот как выглядел Юрий Гагарин в момент взлета. Он был в форме, в каске, в перчатках. Вокруг него было много людей, которые его поддерживали. Он был очень смелым и храбрым. Он был первым человеком, который вышел в открытый космос. Он был героем. Он был легендой. Он был примером для всех нас.

Юрий Гагарин был первым человеком, который вышел в открытый космос. Он был героем. Он был легендой. Он был примером для всех нас. Он был смелым и храбрым. Он был очень смелым и храбрым. Он был очень смелым и храбрым.

журналистские байки

Один раз я был в Москве. Там было много людей. Там было много шума. Там было много радости. Там было много счастья. Там было много любви. Там было много надежды. Там было много веры. Там было много добра. Там было много красоты. Там было много гармонии. Там было много мира. Там было много согласия. Там было много понимания. Там было много уважения. Там было много любви. Там было много счастья. Там было много радости. Там было много счастья.

Один раз я был в Москве. Там было много людей. Там было много шума. Там было много радости. Там было много счастья. Там было много любви. Там было много надежды. Там было много веры. Там было много добра. Там было много красоты. Там было много гармонии. Там было много мира. Там было много согласия. Там было много понимания. Там было много уважения. Там было много любви. Там было много счастья. Там было много радости. Там было много счастья.

НАЧИТЬ

Начи́ть — глагол, несовершенного вида, переходный, безличное. Начи́ть что-нибудь — начать что-нибудь. Начи́ть читать — начать читать. Начи́ть писать — начать писать. Начи́ть говорить — начать говорить. Начи́ть думать — начать думать. Начи́ть работать — начать работать. Начи́ть учиться — начать учиться. Начи́ть играть — начать играть. Начи́ть танцевать — начать танцевать. Начи́ть петь — начать петь. Начи́ть рисовать — начать рисовать. Начи́ть лепить — начать лепить. Начи́ть вышивать — начать вышивать. Начи́ть вязать — начать вязать. Начи́ть шить — начать шить. Начи́ть варить — начать варить. Начи́ть жарить — начать жарить. Начи́ть печь — начать печь. Начи́ть готовить — начать готовить. Начи́ть убирать — начать убирать. Начи́ть мыть — начать мыть. Начи́ть стирать — начать стирать. Начи́ть гладить — начать гладить. Начи́ть чистить — начать чистить. Начи́ть полировать — начать полировать. Начи́ть лакировать — начать лакировать. Начи́ть красить — начать красить. Начи́ть штукатурить — начать штукатурить. Начи́ть штукатурить — начать штукатурить. Начи́ть штукатурить — начать штукатурить.

■

ВСТУПЛЕНИЕ В ПРОФЕССИЮ. ШКОЛА. РАЙОННЫЙ ЖУРНАЛИСТ

12 апреля 1961 года Юрий Алексеевич Гагарин взлетел в космос, а я — в журналистику, в республиканскую молодежную газету «Ленинец» в городе Уфе. В дальнейшем мне пришлось поработать в самых разных СМИ, в том числе в многотиражных газетах, районных, городских, областных, на радио и телевидении. Всюду журналистская жизнь самая разнообразная, наполненная драматизмом, конфликтами, юмором, розыгрышами и даже трагедиями. Вспоминаю всяческие ситуации, в которые попадал сам или мои коллеги, я решил воссоздать или, если хотите, возродить жанр «Журналистские байки». В них больше документальности, чем выдумки, даже имена почти все натуральные. Но вначале придется вспомнить мои первые шаги журналиста, первые уроки, первые конфликты и так далее.

Итак, школу журналистики я проходил в хорошей, большой газете, у настоящих и талантливых журналистов того времени, одновременно изучая филологию на первом курсе вечернего отделения Башкирского государственного университета.

Назову фамилии нескольких из них. Это в первую очередь заведующий отделом литературы и искусства Роман Гафанович Назиров. По паспорту его имя — Ромен, но все его звали Роман, а в то время — просто Ромкой. И сочиня-

ли всякие скабрзные стишки про него. Сам я, считавшийся и его учеником, и другом, не удержался и опубликовал в своей маленькой книжце, выпущенной в Москве Ильгином Мустафовичем Каримовым, шуточный стишок:

*Роман Гафанович Назиров
работал в юности визирем,
но был он с шахом не в ладу,
и тот послал его в столицу
Непала — город Катманду,
где так милы непалок лица,
стройны их ножки, свеж их рот.
И лето, лето — круглый год!*

Правда, в это время герой стишка обиделся на меня, поскольку был уважаемым профессором в Башгосуниверситете. Его кандидатская и докторская диссертации по творчеству Федора Михайловича Достоевского весьма высоко были оценены на Западе. Несколько раз его вызывали туда и, конечно же, оплачивали поездки и лекции (ведь у нас в новой России не так щедро платили за труд ученых). Так, например, он читал лекции в Сорбонне, в знаменитом университете. И парижане (наверно, не только) хорошо воспринимали французский язык, на котором Назиров читал им лекции.

Вот как высоко оценил Р.Г. Назирова профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, действительный член Независимой академии эстетики и свободных искусств, член международного ПЕН-клуба, главный редактор биографического словаря «Русские писатели. 1800-1917» Б.Ф. Егоров: «Хрущевская оттепель дала нашей стране выдающихся личностей во всех сферах творчества, литературоведение тоже обогатилось, прямо скажем, несколькими гениальными натурами, и среди них одно из первых мест занимает Ромен Гафанович Нази-

Р.Г. Назиров

ров. Универсальность знаний и творений, слияние научного и художественного начал, исследовательской и педагогической сущности быстро сделали Р.Г. Назирова известным и популярным. И какое у него изумительное сочетание новаторского, оригинального с фундаментально традиционным! Недаром его тройное имя звучит как онегинская строка (четырёхстопный ямб). Как важно сохранить память об этом заме-

чательном человеке, прежде всего — местную память, зная о его глубокой любви к Уфе».

Но в то время, в 1961 году мы, молодые труженики пера на скорую руку, воспринимали жизнь, как и положено молодым, с открытым забралом: «Узнаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую звоном щита!»

Тем более, тогда на дворе стояла так называемая хрущевская оттепель. Вокруг Назирова, который считался корифеем в поэзии, литературе, искусстве, крутилось множество талантов. Студенты — начинающие поэты — спешили опубликовать свои безусловно гениальные вирши в молодежной газете. А насколько они гениальны, решал Роман Гафанович. Он же сражался с руководством газеты за каждого нового поэта, а порой и за каждую новую метафору. Как сейчас помню, студент-медик Виктор Крысанов (если не ошибаюсь) позволил в своем стихе дождю «забросать асфальт комплиментами». Естественно, начальство не желало пропускать такую вольную трактовку, а Роман Гафанович горячо доказывал право поэта на эту жуткую метафору. Особенно не сложились отношения у Назирова с заместителем редактора Давидом Гальпери-

ным и ответственным секретарем и поэтом Марселем Гафуровым. Ну, я тогда не смел влезать в эти распри, да и не имел права. Просто из любви к своему учителю принимал его сторону.

В редакции газеты «Ленинец», в ее коридорах вечно толпились молодой народ. За консультацией к Роману Гафрановичу приходили молодые поэты и прозаики Георгий Кацерик (еще один медик), Мадриль Гафуров, Юрий Пучков, Юрий Шуганов, Геннадий Зайцев, Руслан Максютков, Валя Куданева и другие. Были среди «прихожан» и довольно зрелые творцы, такие как Газим Шафиков, Роберт Наль, Станислав Сущевский, Эдуард Годин, Лира Абдуллина. Многие из них забыты. Некоторые так и не смогли издать свои творения по разным причинам. Так, например, весьма талантливый поэт (и журналист) Эдуард Годин был подвержен российской болезни. Но если Есенину это не помешало прославиться, то Годину помешало. Его друг, впоследствии народный поэт республики Александр Павлович Филиппов, работавший долгое время редактором художественного отдела издательства, несколько раз пытался протолкнуть сборник Година. Но все тщетно: алкоголикам (явным) путь в литературу был заказан. А ведь не только Годин был алкоголиком. Например, Николай Рубцов тоже страдал этим. Говорят, что даже Александр Фадеев — тоже... И знаменитый Шолохов принимал на грудь достаточно. Что ж делать, если у нас в стране такой народ. Естественно, я не призываю к всепрощению. Но что делать, если в России талантливые люди частенько бывают пьяными, и это ни для кого не секрет. Вспомним есенинские строчки:

*Я вам не кенар! Я — поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих прозрений дивных свет.*

Заканчивал этот стих Есенин утверждением, что когда он вслух прочел стихи Демьяна Бедного, то «в клетке сдохла канарейка».

Чтобы не быть голословным, приведу несколько строк так и забытых Година и Абдуллиной. Годин:

*Сирень никто не покупает,
Сирень — в чужих садах ломают.
И ночь напрасно следом лает.
Несу сирень сквозящей улицей
На то скрипучее крыльцо,
Где женщина чуть-чуть ссутулится
И спрячет в ней свое лицо...*

Еще:

*Скажи мне, сердце, все о человеке,
Когда ты в нем трагический удар,
Когда ты в нем последняя секунда,
Когда ты в нем зачатая строка!
А он как дымом мыслями окутан,
А он пахал, он ехал, он строгал.
Он говорил, ладонь к тебе прижавши,
Пройдет, бывает, снова брал кирку.
Он, час назад других предупреждавший,
Подобен был взведенному курку.*

А у Леры Абдуллиной мне запомнились несколько строк из ее поэмы «Ты и я»:

*А я всегда была ни с кем,
И злое, яростное тело
От жарких ласк не золотело,
Не билось рыбкой на песке!*

Конечно, по нескольким строчкам трудно определить силу таланта, но можно сказать, что талант был!

Довольно известным в то время был Станислав Сущевский, обладавший разнообразными талантами. Его стихи и телепостановки пользовались успехом в Уфе. Закончив исторический факультет, однако, Сущевский недолго проработал педагогом. Разнообразные интересы толкали его в самые разные стороны. То он охотник, то водолаз. Наконец решил податься в лесники. В коридорах «Ленинца» постоянно «толкались» молодые и одаренные, заряженные на юмор, розыгрыши, подтрунивание друг над другом. Творческим людям нужна была публичность. Однажды Станислав закурил здесь подаренную сигарету, которая была напичкана соструганной со спичек серкой. В результате опалил себе бороду и вынужден был сбрить ее. Да, в то время очень популярны в Советском Союзе были Куба и ее лидер Фидель Кастро. Сущевский посвятил ему стихотворение, в котором просил Фиделя взять его с собой. Я посвятил тогда Сущевскому свою пародию на него:

*... Но почему вдруг у поэта
В зубах взорвалась сигарета?
Не потому ль, что в мире оном
Приюта нет его персоне.*

*О, люди! Века недоноски!
Я ухожу, ритмичный, броский,
В уединение творенья,
В стихотворенья вдохновенья.*

*Иду в леса. Привет пернатым,
Медведям бурым и горбатым!
На пне замшелом и трибунном,
Собрав вокруг зверюшек шумных,*

*Я потрясу весь мир природы!
И как аванс, идущий в годы,
Как символ будущих наград,
Медведь почесывает зад.*

Через некоторое время вместе с новой любовью — актрисой из Махачкалы — он уехал из Уфы, после чего в «Литературной газете» стали появляться его переводы дагестанских поэтов.

Газета «Ленинец» в то время была настоящим организатором. Мы, молодые, часто выступали в самых различных залах перед публикой, да и на свежем воздухе тоже. В кинотеатрах, во дворцах культуры, в общежитиях, частенько собирались возле памятника Маяковскому. И находилась публика, которая нас слушала.

В редакции нередко собирались известные спортсмены. Помню широкоформатный снимок, который сделал Саша Галяшкин. На крыльцо редакции вышли запечатлеться знаменитые мотогонщики, многократные чемпионы мира и Европы Габдрахман Кадыров, Шайнуров, Плеханов, Самородов и другие.

Идейным вдохновителем литературного объединения при «Ленинце» был, конечно, Назиров, хотя официально руководителем именовался кто-то другой. Впрочем, они менялись. Многие из молодых членов литобъединения были студентами уфимских вузов, большинство — БГУ. И в литературное студенческое объединение при университете входили почти все те же лица, что были и при молодежи.

Занятия в литобъединении проходили обычно бурно, эмоционально и, я бы сказал, творчески. Однажды Газим Шафиков принес недавно изданную в Уфе книгу стихов Павла Васильева, который был расстрелян в 26 лет, как враг народа. Никто из нас не знал этого безусловно талантливого поэта. Газим прочел его стих «Азиат», и мы немного порассуждали о его достоинствах. Особенно понравилась метафора следующего отрывка из стихотворения Васильева:

*У этих стихов был неслыханный запах,
они на губах оставляли следы.
Цветы эти, верно, стояли на лапах
у черной, наполненной страхом воды.*

Члены литературного объединения (слева направо): стоят — журналист и поэт Мадриль Гафуров, писатель-прозаик Руслан Максюттов, журналисты Александр Некрасов, Владимир Козлов, Юрий Пириков; сидят — поэты Валентина Кудашева, Юрий Шуганов, Галим Шафиков. 1962 год

На одном из занятий был предложен следующий эксперимент: мы должны были написать стихотворение или рассказ на заданную тему. Тема была «Ботинок». Лучшее из всех удался короткий и поэтический рассказ в прозе у Веры Малкиной, с которой я, кстати, учился на первом курсе вечернего отделения филфака. Она, вообще, была мастером короткого, в полстраницы рассказа. Впоследствии Вера переехала в Алма-Аты и там издавала свои творения.

Один поэт, чтобы вдохновиться на создание восточных стихов, рассказывал, что садился по-турецки возле ковра, на котором развешены были сабли, кинжалы и прочая амуниция. Ему казалось — символы Востока. А один двадцатилетний студент Иосиф Рябой прочел нам отрывок из своей повести, который начинался «Мне сорок, я холост». Эту фразу мы долгое время цитировали со смехом и издевкой. Кстати, Рябой так и не закончил повесть. Уехал сначала в Москву, а затем его следы скрылись в Израиле.

Вообще-то, это литобъединение, говорили, прошли многие затем знаменитости, в частности Мустай Карим.

На снимке, сделанном в 1962 году, читатель с трудом, наверное, сможет узнать поэтов и писателей, а также журналистов, многие из которых затем стали широко известны. Наибольшей популярности достиг как поэт, драматург и писатель Газим Шафиков, к сожалению, ныне покойный. Он даже поселился в последние годы в квартире, где прежде жил Мустай Карим. Шафиков был истинным сыном башкирского народа и постоянно подчеркивал свою любовь к нему. Хотя писал он на русском языке в отличие от Мустая Карима. Но ведь не он один избрал средством выражения своих мыслей великий русский язык. Вспомним знаменитого киргизского писателя Чингиза Айтматова, русских поэтов еврейской национальности Бориса Пастернака, Иосифа Бродского, Эдуарда Багрицкого, Осипа Мандельштама и многих других. Но вернемся в шестиде-

сятые годы, а именно в 1961-1962 годы, когда я начинал учиться журналистике.

Заведующим сельхозотделом «Ленинца» был поэт и прозаик, а также писатель-фантаст Булат Рафиков, впоследствии возглавивший отделение союза писателей Башкирии, пишущих на башкирском языке. Поэт Володя Виноградский, впоследствии доцент МГУ. Писатель Петр Печнищев. Очень сильные и широко известные журналисты Жения Герасимова, Люся Филиппова, Лиля Перцева. Жения затем работала в «Советской Башкирии», а Люся уехала, кажется, в Свердловск. Лиля до конца была в «Вечерней Уфе». Кстати, по окончании университета в коллектив редакции влился талантливый Газим Шафиков, заменивший Назирова на посту руководителя отдела литературы и искусства в «Ленинце». Работали тогда некоторое время сыновья известных башкирских писателей, затем сами

Сотрудники газеты «Ленинец» (слева направо): Газим Шафиков, редактор многотиражки Ново-Уфимского НПЗ Шамиль Айдиуллин, Лиля Перцева, Люся Филиппова. 1962 год

ставшие членами Союза писателей, Реан Анверович Бикчентаев и Ильгиз Мустафович Каримов.

После возвращения с Дальнего Востока и сдачи сессии за второй курс, я попросил профессора Льва Григорьевича Барага, о котором в свое время опубликовал очерк в «Ленинце», похлопотать за меня перед деканом филологического факультета Давидом Семеновичем Гутманом о переводе на дневное отделение. Просьба была удовлетворена с обязательством избавиться от всех хвостов (разницу между заочным и очным отделениями) в положенные сроки. Правда, я затянул с хвостами аж до пятого курса, но сдал все. Одновременно я регулярно сотрудничал в любимой газете. Газим, уезжая на отдых в известное всем писателям Переделкино, попросил меня на месяц его заменить. Это было для меня лестное предложение, однако не такое уж простое, как затем выяснилось. Например, мне пришлось на этом посту редактировать своих любимых учителей — профессоров Льва Григорьевича Барага и Давида Семеновича Гутмана. Они написали в газету нужные, но очень длинные для газеты материалы. Надо было сокращать. И я невероятно мучился — все ж таки в университете я заслушивался их безусловно интересными лекциями. Пришлось прийти к выводу, что читать лекции — это не то, что их писать. Разные жанры — разный подход. Тут ко мне подошел мой друг Реан Бикчентаев и, покуривая сигарету, легко подсказал мне, что именно следует сократить. Впоследствии я встретил Гутмана, и тот похвалил меня за удачное сокращение. «А вот Сайтов в «Советской Башкирии» сократил то, что надо было оставить, и оставил то, что можно было сократить». Будучи студентом, я, естественно, не сказал, что мне помогли. Надо же было еще учиться и сдавать им же экзамены. Следует подчеркнуть, что между нашими газетами в то время шло негласное соревнование: кто лучше, быстрее и качественнее выпустит газету о том или ином интересном для читателей событии.

*Ильгиз Мустафович Каримов,
журналист и писатель*

*Реан Анверович Бикчентаев,
журналист и писатель*

*Во дворе редакции газеты «Ленинец». Слева направо:
стоит — Нина Михайлова, Лиля Нечаева, Зиннат Аминев,
Людмила Филиппова, Олег Нестеренко, Флюра Гатина;
сидит — Петр Печищев, Нина Шестерова, Аня Татарченкова,
Роман Назиров. Август 1958 года*

Со временем «ленинцы» выросли, становились взрослыми и переходили в ту же «Советскую Башкирию», а впоследствии — в открывшуюся городскую газету «Вечерняя Уфа».

Да, когда я начинал работать, из «Ленинца» в журнал «Огонек» переходил затем известный фотокор Лева Шерстенников, хорошо образованный и владевший не только фотоаппаратом, но и пером. Леву заменил затем Александр Сергеевич Галяшкин, весьма искусный фотограф. В то время к нам в газету постоянно приносил свои заметки о пользе молока и молочных продуктов один ученый Александр Сергеевич Кишкин. Отсюда родилась в редакции шутка: Пушкин, Кишкин и Галяшкин — все Александры Сергеевичи. Автором ее был Ильгиз Каримов. Художника Валентина Моджина заменил другой хороший художник Валера Султанов, впоследствии работавший в вечерке. Валера очень любил решать шахматные задачи, нередко просил у меня новые и он долго не отдавал мне хороший задачник Умнова. Сейчас бы я просто подарил ему книгу.

Всех, конечно, не припомнишь. Тем более, я в то время учился в университете и на курсах геофизиков, проработал лишь год и уехал с геофизической партией на Южный Урал, а затем и совсем далеко — в Хабаровск. Но школу, которую прошел за этот год в «Ленинце», я не забыл и через полвека. Да и в последующей работе журналистом она мне очень помогала. К тому же, любовь к этой молодежной газете я пронес через всю жизнь.

В 1966 году, защитив диплом на тему «Художественные особенности фельетона», я начал распределяться. Кстати, руководителем моего диплома считался Давид Самойлович Гальперин, а рецензентом — Роман Гафанович Назиров. Правда, когда Роман узнал, кто у меня руководитель, то наотрез отказался быть рецензентом. Пришлось долго его уговаривать. Уговорил. И практически руководителем

*Молодые
Давид
и Вера
Гальперины.
1959 год*

был мой друг Назиров. А Гальперин только числился. Надо сказать, что Давид Самойлович не очень силен был в писательском деле. Но как заместитель редактора был на своем месте. Умный и познавший, видимо, многие извилины нашей советской жизни, имел в запасе немало идей, которыми делился с сотрудниками. И уезжавшие в командировку журналисты частенько заходили к нему, чтобы получить консультацию или, может быть, нужное направление предстоящей в командировке работы, «соус», под которым следует подать затем в газету новый материал. Однако, вернемся к моей журналистской биографии.

В те времена я был обязан отработать два года там, куда распределят. Все же, считая себя журналистом, просил направить меня не в школу, а в какую-нибудь газету. Мне отвечали, что я получил диплом учителя и должен поработать хотя бы два года именно учителем: «Мы педа-

ББК 84-4 (2Рос)
УДК 821.161.1-312.6
Ш 95

Шуганов Ю.М.
Ш 95 **Две исповеди.** Уфа: Инеш, 2013 — 136 с.
ISBN 978-5-903622-30-6

ББК 84-4 (2Рос)
УДК 821.161.1-312.6

Литературно-художественное издание

Юрий Михайлович Шуганов

ДВЕ ИСПОВЕДИ

Редактор *Гульнара Белозерова*

Художник *Сергей Дмитриев*

Технический редактор *Елена Моисеева*

Корректор *Алла Сергеева*

Подписано в печать 01.07.2013. Формат 84х108/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,55.
Тираж 500 экз. Заказ № 2.0099.13.

ООО Издательство «Инеш». РБ, 450001, г. Уфа, проспект Октября, 2.
E-mail: inesh_ufa@mail.ru. Сайт: www.inesh.ru

Отпечатано с предоставленных файлов.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Уфимский полиграфкомбинат. РБ, 450001, г. Уфа, проспект Октября, 2.

ISBN 978-5-903622-30-6

© Шуганов Ю.М., 2013

8-917-499-7760

Shuganov 39@mail.ru 2013

255-83-03